

В субботний вечер накануне Рождества Майя осталась одна. Желание мужа провести выходные в своей компании нисколько не нарушило ее планов: она, как и собиралась, принялась готовить пирог. Выпечка Майе удавалась не всегда, потому что пекла она редко, когда было время и настроение.

Пока подходило дрожжевое тесто, она занялась начинкой. Мелко нарезанные мандариновые дольки перемешала с творогом и добавила к ним мед. В квартире, наполненной ароматными запахами, стало особенно уютно. Если бы сейчас вернулся муж Майи, он непременно бы умилился: жена в прелестном домашнем халатике и кокетливом белом передничке, хлопчущая на кухне, была его мечтой.

Вдруг пол куда-то поехал, стены заплясали и растворились в пространстве. Майя не устояла на ногах и опустилась на ковер. Она сделала попытку подняться, но сил не хвати-

ло. Тело не слушалось, в голове шумело. Через минуту она не смогла открыть глаза. Сознание помутилось, и Майя провалилась в сон, который стал для нее последним.

Янтарный закат на балтийском побережье, тихие волны молочно-голубого цвета и бронзовая полоска дюн. Юная светловолосая девушка стоит по щиколотку в воде. Ветер треплет намоченный подол платья, в руке тигровые лилии с прилипшим к стеблям песком. На лице девушки счастливая улыбка — рядом с ней любимый. Юноша обнимает подружку нежным взглядом зеленых глаз. Он тоже влюблен и счастлив.

Слышен шелест волн и крики чаек. К этим звукам постепенно добавляется музыка Бетховена — «Лунная соната».

Романтическая картина сменяется другой: тоже побережье, море и дюны. Небо становится хмурым, свищет порывистый ветер, качая кроны сосен. Влюбленной пары нет, остались лишь лилии. Они лежат на песке рядом с бурным пятном крови. Соната Бетховена звучит громче, теперь лирическая композиция навеивает тревогу.

«До новых встреч, и не скучайте без меня!» — доносится из радиоприемника голос Майи. Но она его не слышит, потому что уже умерла.

* * *

«Никто так не любит понедельники, как не люблю их я», — с досадой думал капитан Юрасов, просыпаясь от телефонного звонка. Он дремал, сидя за казенным столом с завалившейся набок пластиковой елкой. Вместо подушки — пухлая папка-скоросшиватель с собранными в ней протоколами и свидетельскими показаниями. С этого понедельника начинался новый год, и для большинства граждан он был выходным. Антон Юрасов к большинству не относился, поскольку работал в уголовном розыске. Его угораздило «удачно» вытянуть жребий, в результате чего новогоднюю ночь пришлось коротать на дежурстве.

— Вот людям дома не сидится! Хлебом не корми — дай спозаранку по паркам пошляться, — бурчал Антон, собираясь на выезд.

Юрасову не везло по-черному: его дежурство заканчивалось через сорок минут, и надо было какому-то собачнику в полшестого вытащиться на прогулку со своим питомцем. Он, видите ли, работает охранником, и у него рано начинается смена. Охранник без приключений выгулять животину не мог, ему за чем-то понадобилось наткнуться на труп.

Полусонный, с тенью тоски на помятом лице, Антон стоял в Польском парке и обреченно смотрел на находку. В сугробе под за-

снежным кустом смородины лежала молодая женщина. Из-под вязаной белой шапки выбивались светлые локоны, щедро усыпанные блестками. Левую щеку погибшей украшала нарисованная голубым карандашом снежинка. Накладные длиннющие ресницы синего цвета, тонкие перламутровые губы — в своем нежно-бирюзовом пуховике она походила на уснувшую Снегурочку. В руке снегурочка держала подарок — маленького тряпичного зайца с надписью «I love you» на пластиковом сердце, приколотом к туловищу игрушки. Документов при погибшей не обнаружилось. В миниатюрной сумочке лежала косметика, ключи и полторы тысячи разными купюрами.

Следственная группа, состоящая из таких же «счастливчиков», как и Юрасов, неторопливо продолжала свое безрадостное дело. Эксперт встретил начало года умеренно, поэтому смог безошибочно дать предварительное заключение о причине смерти: асфиксия. Но это было понятно и набравшемуся в стельку участковому — фиолетовую полосу на шее женщины заметил даже его мутный глаз.

Последние часы своей жизни Соната провела весело и беззаботно. Незадолго до того, как ее застигла смерть в Польском парке, она

отмечала Новый год в «Доминике» вместе с шумной компанией. В этот милый ресторанчик ее пригласили неожиданно. Еще за неделю до праздника Соната не знала, где и с кем будет его встречать. Семьи у нее не было, а друзья, знакомые определились раньше. Договорились, скооперировались, заказали путевки, коттеджи — словом, побеспокоились заблаговременно. А она, как всегда, отнеслась к подготовке беспечно и осталась одна. Звонок сокурсницы Майи Снегиревой с приглашением пришелся как нельзя более кстати.

* * *

Майор милиции Андрей Атаманов собрал своих сотрудников на внеплановое совещание, причиной которого послужило убийство молодой женщины.

— Начинать год с трупа — плохая примета, — проворчал усталый Юрасов, усаживаясь за длинный стол.

— Угу. К «глухарю», — согласился капитан Шубин.

— Год високосный, и он по определению должен быть паршивым. Так что все в порядке, — успокоил коллег лейтенант с озорным некрасивым лицом — Миша Костров во всем умудрялся найти позитив.

Еще один оперативник, Саша Носов, мол-

чал. Он отметил Новый год с размахом и до сих пор не пришел в адекватное состояние. Когда все расселись по местам и угомонились, капитан Юрасов приступил к докладу.

— Погибшая — Любавина Соната Эрнестовна, двадцати шести лет, менеджер компании «Кардинал». Проживала одна на проспекте Елизарова. Из всех родственников в наличии лишь бывший муж — Любавин Ярослав, который никаких отношений с Сонатой не поддерживает. Остальная родня Любавиной — родители и двоюродные сестры — живут в Прибалтике.

— Больше ничего не удалось установить? — задал вопрос Атаманов без всякой надежды на утвердительный ответ.

— Работаем, — развел руками Антон.

— Вижу, как вы работаете, — проворчал майор. — А что ее друзья говорят, с которыми она встречала Новый год?

— Работаем, — повторил Юрасов. — Только двоих опросить успели: Кравцову и Агаркова. Вроде все чисто — мотивов для убийства у них нет, да и знали они Любавину всего несколько часов — познакомились в тот же вечер в «Доминике». Это друзья ее подруги Снегиревой. С самой Майей побеседовать не удалось: она диджей на радио, а Новый год для людей ее профессии горячая

пора. Снегирева первого января уехала в Москву и пока что не вернулась.

— Какие имеются соображения по ходу расследования? — Андрей обвел своих подчиненных вопросительным взглядом.

Соображений было несколько, из которых удалось сформулировать лишь одну версию, и то сомнительную. Она была связана с найденным при погибшей брелоком в виде плюшевого зайца.

— Похоже на маньяка, — предположил Костров. — Оставлять на трупах всевозможные вещицы — типичный почерк извращенцев. Таким способом преступник совершил какое-то, только ему одному понятное ритуальное действие. Думаю, на одной жертве он не остановится, и нам следует ожидать повторений.

— Чур тебя! Только серии нам не хватало! — перебил его Шубин. — Любавина с вечеринки возвращалась, и вполне возможно, что заяц этот скорее всего чей-то подарок или приз, выигранный в новогодней викторине. Стоит хорошенько потрясти компанию, в которой Соната развлекалась в «Доминике», особенно Снегиреву как наиболее близкую приятельницу.

— И то верно, — поддержал Анатолия Атаманов. — Нужно тщательно поработать со знакомыми Любавиной и уделить внимание

ее личной жизни. Когда погибает молодая женщина, в девяноста случаях из ста мотив убийства связан с амурными тайнами.

* * *

К Майе Снегиревой Анатолий Шубин отправился на работу. Ничем не выдающееся старое здание, спрятавшееся в тихом переулке Петроградской стороны, было частично жилым домом и частично бизнес-центром, последний этаж которого занимала радиостанция «Звездная пыль». Шубин уже бывал на радиостанциях и во всевозможных редакциях, поэтому хорошо себе представлял царящую внутри обстановку: студии-комнатки с прозрачными стенками, за которыми ведут эфир диджеи, а в остальном — обычный офис с принтерами, копировальными аппаратами, суетливыми менеджерами, секретарями и прочими сотрудниками. И он не ошибся. При входе его встретила девушка-референт, скужающая за рецепционной стойкой. Она охотно покинула свое рабочее место, чтобы проводить гостя. По дороге к Снегиревой Шубин заметил в коридоре траурный плакат с чьим-то портретом. В черной раме и с шелковой лентой наискосок. Под плакатом стояла ваза с поникшими гвоздиками.

— Майя, из милиции, — объявила девушка, одновременно стучась и отворяя дверь одной из комнат. Она тут же ушла, оставив Анатолия на пороге.

— Капитан Шубин, — представился оперативник.

— Майя Снегирева, — ответила молодая женщина, отрываясь от бумаг.

Он сразу узнал этот голос: звонкий и хорошо поставленный. Сама Майя была опечалена — ее восточные глаза цвета оливок смотрели с грустью, уголки губ слегка опустились и приобрели скорбное выражение, но голос оставался бодрым, таким, какой обычно доносился из радиоприемников.

О гибели Сонаты она знала и ничуть не удивилась приходу оперативного работника. На вопросы Майя отвечала четко и с готовностью, чем расположила к себе и без того симпатизировавшего ей Анатолия.

— Любавина покинула ресторан в половине второго, что для новогодней вечеринки рановато. Ее кто-то ждал?

— Не знаю, — пожалала плечами ведущая. — Об этом Соната ничего не сказала. Попрощалась со всеми и упорхнула. Мы все уже были изрядно навеселе, поэтому с вопросами никто не приставал.

— Может, перед уходом ей кто-нибудь позвонил?

— Да, звонили, и неоднократно. — Майя ненадолго задумалась. — Только не уверена, что звонок был связан со встречей. В ту ночь телефоны не умолкали: все друг друга поздравляли.

— Пожалуй, вы правы. Тем не менее придется проверять всех звонивших. Кто ее мог ждать в ту ночь? Ваша подруга рассказывала о своей личной жизни? У нее был близкий друг или жених, любовник?

— Нет, мы эту тему не обсуждали, — покачала головой Майя.

О Любавиной Майя знала многое и в то же время почти ничего. Они с Сонатой учились вместе в университете, по окончании которого их пути разошлись, и сокурсницы надолго потеряли друг дружку из вида. Встретились они недавно — полтора месяца назад, — и совершенно случайно.

— Общих знакомых у нас не было. Вернее, они были, но это студенческие связи, которые остались в прошлом. С моими друзьями — Агарковым, Кравцовой и Царенковым — Соната познакомилась в «Доминике». Она оставалась на Новый год одна, и я пригласила ее в свою компанию.

— Почему Любавиной не с кем было встречать Новый год? Родственники в Прибалтике, своей семьи нет — она в разводе, но должны же быть друзья, подружки, приятели.

— У друзей свои семьи, и они, наверное, давно запланировали, как и где встречать праздник,— предположила Майя. — А Соната заранее не побеспокоилась и ни с кем не договорилась. Если бы я ее не позвала в ресторан, она сидела бы дома перед телевизором с ананасами и бокалом шампанского и считала бы, что праздник удался.

— А почему вы сами пришли в «Доминику» без мужа? — задал Шубин нескромный вопрос и ничуть не смутился — это Носов до сих пор стесняется, когда приходится затрагивать личные темы, а он за долгие годы службы привык.

Снегирева взглянула на оперативника тяжелым взглядом и с грустью в голосе произнесла:

— Семейные неурядицы. У нас с мужем размолвка, и Новый год встретить вместе не получилось.

«Вот как бывает, — думал Анатолий, возвращаясь в отделение, — у звезд тоже, оказывается, не все гладко в семье. Даже у такой эффектной и очаровательной женщины, как Снегирева, дома нелады. Это кем надо быть, чтобы не дорожить такой женой, как Майя? Наверное, она замужем за каким-нибудь банкиром или крутым бизнесменом, который осыпает ее деньгами и считает, что может вести себя как угодно». Шубину очень нрави-

лись передачи Снегиревой, и главной причиной этой симпатии был голос ведущей. Теперь же, когда ему довелось воочию увидеть Снегиреву, Анатолий почти в нее влюбился.

Майя

Майя остановилась перед дверью собственной квартиры. Не торопясь достала из сумки ключи и медленно открыла замок. У нее было два противоположных желания: скорее оказаться дома и подольше там не появляться. Домой хотелось в силу жуткой усталости — с утра как белка в колесе. Добраться бы до постели и спать до беспамятства. Причиной, по которой ноги не несли в дом, был Сергей. Она осторожно отворила дверь и бесшумно вошла в темноту прихожей. Крохотная надежда себя не оправдала: муж был дома, и он не спал. Уже через полминуты он материализовался в дверном проеме и принял позу директора школы, встречающего на крылечке опаздывающих учеников.

Майя протянула пластиковый пакет с хлебом, который был куплен по дороге в единственном работающем допоздна ларьке и по мягкости оправдывал свое название — «кирпичик».

— Спасибо, я уже поел без хлеба, — недовольно пробурчал Сергей и вернулся в ком-

нату. Пакет так и остался у Майи в руках. В этот раз обошлось без морализаторства.

Она устало опустила на банкетку и принялась снимать сапоги.

— Ну и черт с тобой! — разозлилась Майя.

Обычно, возвращаясь поздно, она чувствовала себя виноватой. Замужней женщине не пристало целыми днями пропадать на работе. Хотя ее семеро по лавкам не ждали, все равно домой можно было бы приходиться раньше полуночи — здесь Сергей прав. Он скандалил, обижался, молчал, хлопал дверью — перебрал все способы продемонстрировать свое недовольство. Хуже всего были его немые упреки. Иной раз не выйдет в прихожую встречать, лишь когда Майя зайдет в спальню, с великим одолжением бросит на нее недовольный взгляд, оторвав его от экрана телевизора.

У них часто случались Разговоры. Начиная их всегда Майя, когда ситуация в семье накалялась до предела. В такие периоды муж был особенно хмур и молчалив, он отворачивался и сердито сопел. Она садилась на диван рядом с уткнувшимся в стену Сергеем. Нужно было избавиться от этой тягучей тишины, прогнать тупую обиду. С каким трудом удалось нарушить его обет молчания, разговорить, по слову вытащить претензии к себе! Все усложнялось тем, что Сергей сам не

знал, что хотел. Ему просто «было нерадостно и не росли за спиной крылья» — этого откровения Майе удалось добиться после часа душеспасительной беседы. Она все понимала лучше мужа. Сергей хочет нормальной семьи. Чтобы жена сидела дома, воспитывала детей и встречала его пирогами собственного приготовления. Чтобы он был главой семьи, а она — его надежным тылом. Сергею нравится быть лидером. Если не на работе, где он всего лишь добросовестный сотрудник — тихий и исполнительный, — и не в компании друзей, среди которых он незаметен, словно тень, то хотя бы дома Сергей желал выглядеть значимым. Майя старательно пыталась поддержать так необходимую мужу иллюзию лидерства, но у нее выходило плохо.

В этот раз Майя не стала заглаживать свою вину, ей это уже порядком надоело. Она решила: будь что будет. Если Сергея что-то не устраивает — это его проблемы. У нее тоже есть гордость и самолюбие. Невозможно все время подстраиваться и идти на компромиссы в угоду мужу, который все равно этого не ценит.

Майя не без удовольствия отметила про себя, что быть эгоисткой не так уж плохо. По крайней мере, на душе благодать: никаких нервов и переживаний по поводу разлада в семье. Она спокойно попила чаю с абрикосо-

вым вареньем, с наслаждением приняла душ и в хорошем настроении отправилась спать.

Сергей лежал, по обыкновению отвернувшись к стене. Майя не сомневалась, что он не спит — ждет, когда она начнет подлизываться, — но этого не произошло — ей было все равно. Не выказывая ни малейшего внимания к его обиженной персоне, Майя улеглась на свое место и через две минуты уснула.

Покаяние перед мужем, отрицательные эмоции, волнение и, как следствие, бессонница, в результате которой весь следующий день насмарку, — раньше так случалось всегда. И все ради того, чтобы еще на одни сутки быть прощенной, чтобы Сергей получил причитающееся ему моральное удовлетворение. Проснулась Майя раньше будильника, в том же легком настроении, в каком и уснула. Правда, некудышной супругой, но это ее нисколько не опечалило.

Майя пообещала себе впредь больше не переживать по поводу семейных неприятностей, раз исправить она все равно ничего не может. Что бы ни произошло, оставаться невозмутимой. Если мужа что-то не устраивает, ему следует поискать причины в себе, прежде чем придирааться. Даже если дело дойдет до развода, она не станет ломать себя и жертвовать своими интересами, которые для нее слишком важны и являются неотъем-

лемой частью ее жизни. Пожелает Сергей разойтись — пожалуйста, удерживать Майю не станет, как бы ей ни хотелось сохранить семью. Ведь она по-прежнему его любила.

* * *

В середине дня Атаманов собрал свой отдел, чтобы подвести итоги и обсудить ход расследования дела Любавиной.

— Соната Любавина активнее всего общалась с абонентом, номер которого зарегистрирован на имя некого Камила Яцкевича, — объявил Юрасов, глядя в справку, полученную из компании — оператора мобильной связи. Антон также успел раздобыть данные Камила, из которых значилось, что ему сорок три года, он женат и имеет взрослую дочь.

— Любовник? — предположил Костров.

— Похоже на то. Исходящие вызовы редкие и по времени непродолжительные. Зато входящих с номера Яцкевича полно, и все как минимум по четверть часа. Обычная ситуация при романе с женатым мужчиной. Она ему не звонила, чтобы не ставить в неловкое положение перед женой, звонил он сам, когда ему было удобно.

— Кто такой этот Яцкевич? Где работает, круг интересов. Выяснили? — спросил Атаманов. — Нет? Сразу надо было с него начи-

нать. Костров, займешься, — майор сделал пометку в ежедневнике. — Если Любавина с Яцкевичем действительно состояли в любовной связи, то это уже кое-что. Надо узнать, какова обстановка в семье Яцкевича и что из себя представляет его жена. Возможно, тут ревность и все такое. Чем черт не шутит, глядишь, дело быстро закроем, — грустно улыбнулся майор, поскольку в легкую удачу не верил.

Антон достал из папки лист со списком абонентов, звонивших Любавиной в новогоднюю ночь. Номер Яцкевича в нем тоже значился.

— Отработали? — строго спросил Андрей.

— Нет, конечно. Не успели.

— Понятно. Что еще по Любавиной?

Больше по делу Любавиной не было ничего, если не считать мелочей, которые никак не проясняли картину преступления.

Накрутив подчиненным хвосты, Андрей Атаманов разогнал их работать. Сам же отправился на совещание к полковнику отчитываться за низкий уровень раскрываемости.

Когда Юрасов позвонил в квартиру Яцкевичей, ему открыла женщина лет сорока. Как правильно догадался Антон, это была жена Камила, Ирина Яцкевич. Короткие пепель-

ные волосы, собранные в хвост детской резинкой, массивные очки на круглом лице, под глазами темные круги — было видно, что Ирина переживала не самые лучшие времена. Одета она была опрятно, но не эстетично: в футболку и мешковатые трикотажные штаны.

— Проходите на кухню, сейчас чай заварю, — предложила хозяйка, увлекая гостя в глубь коридора.

От взгляда Антона не ускользнула растерянность, которую Ирина попыталась скрыть.

— Камил уехал в командировку за неделю до Нового года, оттуда сразу в отпуск, на лыжах кататься. Он любит горнолыжный спорт, вот и отправился на склоны.

— После командировки ваш муж дома не появлялся?

— Нет. Так удобней и дешевле. Камил сразу с собой вещи для катания взял: куртку, комбинезон...

— Скажите, Ирина, какие у вас отношения с супругом? — Антон не стал ходить вокруг да около и задал вопрос в лоб. Яцкевич смутилась еще больше: на ее лице отразились тревога и испуг, но она быстро взяла себя в руки и ответила с непринужденной улыбкой:

— Нормальные отношения, как у всех.

— У всех по-разному. Есть семьи, где супруги друг друга на дух не переносят.

— Это у пьяниц или у наркоманов каких-нибудь, а у нас с Камиллом все хорошо.

Оставшуюся часть беседы Ирина пыталась убедить, что они с мужем души друг в друге не чают, что дало обратный эффект: Юрасов понял, что у этой четы большие проблемы во взаимоотношениях. Антон пока не знал, в чем причина столь яркого желания изобразить идиллию. Движет ли женщиной самолюбие, хочется казаться благополучной, чтобы не хуже других, или же за неладами с мужем скрывается нечто более серьезное?

Юрасов решил повременить с вопросами о Любавиной. «Если и знает что, то все равно соврет, — подумал Антон. — Лучше этот вопрос попридержать, пока не выяснена реальная обстановка в семье Яцкевичей. Кто должен знать о Сонате, так это Камилл, а он вернулся из отпуска лишь через три дня после убийства». С этими мыслями Антон решил покинуть странный дом Яцкевичей и отправился к себе в отделение составлять отчет о проделанной работе, как велел Атаманов.

— А что случилось? Зачем вам понадобился Камилл? — проявила запоздалое любопытство Ирина.

— Ничего страшного, простая формальность. — Антон одарил хозяйку лучезарной улыбкой и скрылся за дверь.

Камил

Пошел девятый час, на улице давно стемнело, по стеклу дребезжали холодные капли дождя. На душе у Камилы было так же мрачно и пасмурно, как за окном. Сотрудники компании «Атлантик» давно покинули рабочие места и разошлись кто куда, преимущественно по домам. Камил Яцкевич домой не торопился, хотя работа его не держала. Чем себя занять в офисе, руководителю отдела информационных сетей найти не сложно. Но всю работу не переделаешь, а Камил и не пытался. В столь поздний час Яцкевич сидел в своем кабинете и, по сути, валял дурака. Сайт системного администрирования и записи на форуме автомобилистов были прочитаны, пасьянс разложен, ответы на электронные письма написаны. Домой совершенно не тянуло. Здесь, в маленьком отдельном кабинете, обставленном на собственный вкус, он чувствовал себя куда комфортнее, чем дома. Монитор повернут к окну, и никто никогда не увидит, что появляется на экране, какие картинки всплывают. Не надо украдкой заглядывать на нескромные страницы, опасаясь усмешек или, того хуже, семейных скандалов. На столе держи чего душе угодно, в стеллаже — сувениры и подарки фривольной направленности. Где еще, как не на ра-

боте, может себе позволить что-нибудь подобное глубоко женатый мужчина? Не то чтобы Ирина устраивала сцены и разбор полетов. Бурные выяснения отношений остались в прошлом, они сменились безмолвными укорами, глубокими вздохами и тяжелыми взглядами. Какое бы прегрешение перед семьей Камил ни совершил, жена держала лицо. Она не предъявляла претензий, не пилила, по-прежнему стирала-гладила-готовила и, что самое противное, делала все это безупречно. Как бы ни маскировалось ее «неведение», атмосфера в доме накалилась до взрывоопасного состояния. Не заметить тщательно скрываемые настроения жены Камил не мог, как ни старался. Он предпочитал смотреть на все сквозь пальцы, хотя и понимал, что долго это продолжаться не сможет: либо Ирина устроит революцию, либо у него самого нервы не выдержат и он что-нибудь предпримет. Камил не сомневался: сама собой обстановка не разрешится, хотя этот вариант его устроил бы больше всего. Действовать Яцкевичу не хотелось, и он принял выжидательную позицию, надеясь на русский авось, хоть сам был поляком.

В последнее время кисло-желтая хандра накатила на него с особенной силой. Камил острее стал чувствовать безразличие ко всему. Его ничего не интересовало и не радова-

ло, перестало огорчать то, что раньше огорчало. Дни, словно близнецы, ходили друг на друга — никакого разнообразия. И в перспективе тоже ничего хорошего не ожидалось. Ежедневно перед глазами мелькала та же непривлекательная жена в той же безразмерной футболке, натянутой на располневшую фигуру. Один и тот же умело приготовленный ужин, от окружающей пресной обстановки кажущийся безвкусным.

— Тебе с сахаром? — дежурный вопрос. Каждый раз, наливая чай, Ирина его задавала и, не дожидаясь ответа, бросала два кусочка рафинада в чашку мужа. Камил запоздало кивал, уткнувшись в журнал. Он всегда, когда ел дома, что-нибудь читал. Чтение помогало отгородиться от внешнего мира, от семьи и от опостылевшей женщины.

Это началось давно и как-то незаметно. Сначала Камил успокаивал себя тем, что причина вовсе не в нем и не в Ирине, а в обстоятельствах: усталость, работа, раздражение. Все пройдет, стоит только как следует отдохнуть, и нежные чувства вернутся вместе с пылкой страстью. Но ни долгие выходные, совмещенные с праздниками, ни отпуска не помогали — совместный отдых оказался невыносимым, и отношения со временем лишь ухудшались. Камил старался подгадать распорядок дня так, чтобы как можно меньше

времени проводить дома, когда там жена. На работе договорился приезжать спустя два часа. Вставал в то время, когда за Ирой закрывалась дверь. Жена не работала и, чтобы себя занять, недавно записалась на курсы макраме, в утреннюю группу. Возвращался поздно, порой почти к ночи — до того не хотелось домой. И вообще не хотелось ничего.

Раньше он был другим: веселым, жизнерадостным и почти счастливым. Яцкевич не ходил, он скользил легким спортивным шагом, едва касаясь земли. От домашнего уныния его спасал рецепт Дон Жуана. Камил всегда был не прочь сходить налево, даже в наиболее безоблачные годы брака. Романчики, романы, романища — они так приятно дополняли его беспокойную жизнь. Милые подружки как солнышки согревали своими жаркими ласками и поцелуями, от их светлых улыбок мир расцветал и переливался яркими красками. Камил слыл известным дамским угодником и любимцем женщин. Его выразительные зеленые глаза обладали невероятным магнетизмом. Сколько красоток пленил этот взгляд! Не каждая могла перед ним устоять, да и не хотела. Флирт с Камиллом был приятным приключением, роман с ним — красивой сказкой. Дамы ни на что не рассчитывали, зная, что он женат, они хотели лишь романтики, хоть на какое-то короткое

время окунуться в омут призрачной любви. Сам Камил старался не влюбляться, чтобы избежать ненужных страданий, и это ему с лихвой удавалось. Он купался в любви и наслаждался жизнью, руководствуясь принципом: один раз живем. «Так не стоит отказываться в удовольствии ни себе, ни ближнему», — продолжал он чье-то изречение, подразумевая под ближними хорошенькие создания, угодившие в его объятия.

Ирина

Кто бы знал, каких усилий ей стоило не вспылить, не разрыдаться и не высказать мужу все, что она думает о нем и его примитивном вранье?! Из последних сил Ирина держала лицо, хотя ей казалось, что вместо него она давно носит приросшую к коже маску. Такого и персонажа в театральных пьесах нет — это должен быть гибрид жизнерадостного Арлекина с печальным Пьеро. В присутствии Камилы Ира старательно играла роль беззаботной веселушки, но выходило как-то фальшиво. Улыбка получалась вымученной, шутки грустными. Ей было отнюдь не до веселья. Накормив мужа ужином и пообщавшись с ним для поддержания иллюзии согласия в семье, Ирина укрывалась в ванной. Наедине с собой она могла быть настоящей,

выплеснуть наружу истинные эмоции. Но слез не было, плакать она разучилась. Ира тупо смотрела на свое отражение в зеркальных дверцах настенного шкафчика: широкое лицо с пухлыми щеками, делавшее ее похожей на матрешку или на деревенскую тетю Клаву. «Зато почти без морщин, — успокаивали подруги. — У худых кожа быстрее старится». «И без лебединой шеи — подбородок поплыл еще в тридцать», — самокритично добавляла она. Ирина никогда не была худышкой: пышные формы, королевская осанка, грива каштановых волос. В нее такую когда-то влюбился Камил, но с тех пор прошло больше двадцати лет. Она неизбежно постарела, и у мужа пропал к ней интерес. Теперь ему нравились стройные девочки, конкурировать с которыми Ирина никак не могла. Ей было очень обидно — за все. За то, что природа так несправедлива: они с мужем ровесники, но если она безнадёжная, никому не интересная «старая калоша», то Камил — мужчина в соку, который при желании легко обзаведется новой семьей. За то, что пошла на уступки мужу и пожертвовала карьерой ради воспитания дочери. Раньше ему это нравилось: дома уют, всегда вкусный ужин и улыбчивая жена в милом халатике с рюшами. Уют и ужины остались, улыбка, правда натянутая, — тоже, рюши при желании можно